

Из очерков Бородинского сражения

Фёдор Николаевич Глинка

Ветеран.
Худ. А.Ю. Аверьянов.
1999 г.

Видали ль вы, в портрете, генерала молодого, с станом Аполлона, с чертами лица чрезвычайно привлекательными? В этих чертах есть ум, но вы не хотите любоваться одним умом, когда есть при том что-то высшее, что-то гораздо более очаровательное, чем ум. В этих чертах, особенно на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они принадлежат, имеет (теперь уже имел!) сердце, имеет воображение; умеет и в военном мундире мечтать и задумываться! Посмотрите, как его красивая голова готова склониться на руку и предаться длинному, длинному ряду мыслей!.. Но в живом разговоре о судьбе отечества в нём закипала особая жизнь. И в пылу загудевшего боя он покидал свою европейскую образованность, свои тихие думы и шёл наряду с колоннами, и был, с ружьем в руках, в эполетах русского генерала, чистым русским солдатом! Это генерал Тучков 4-й. Он погиб близ 2-го реданта. Под деревнею Семёновскою, у ручья, по названию Огника, под огнём ужасных батарей, Тучков закричал своему полку: «Ребята, вперёд!» Солдаты, которым стегало в лицо свинцовым дождём, задумались. «Вы стоите? Я один пойду!» Схватил знамя и кинулся вперёд. Картечь расшибла ему грудь. Тело его не досталось в добычу неприятелю. Множество ядер и бомб, каким-то шипящим облаком, обрушилось на то место, где лежал убитый, взрыло, взбуравило землю и взброшенными глыбами погребло тело генерала. Такого же погребения удостоился, может быть, и Кутайсов, которого остатков не могли доискаться! Около этой поры смертельно ранен и старший брат убитого (отличный воин) Тучков 1-й... На этом же месте и в это же время тяжело ранены полковники: Дризен, Ушаков и Монахтин, которого слова поместил я между эпитафиями к моим «Очеркам».

Итак, вот рассказ краткий, неполный о битвах за реданты Семёновские. Скрепим его некоторыми подробностями и ещё раз (не пеняйте за

Наследие

повторение) поговорим о делах на этом важном пункте так, как говорят о них французы. Более всего я хотел бы избежать упрека в односторонности.

Когда большой редут (Раевского батарея) на правом (или, вернее сказать, в центре) в первый раз и реданты на левом крыле уже по нескольку раз захвачены: Подоспей Монбрен, — говорили французы, полагая, что успели прорезать нашу линию, — подоспей он с своею кавалериею и сражение будет наше! Монбрен подоспел, и провидение подоспело! Едва отдал он приказание ударить на Семёновское, ядро, пущенное с бокового редута, срезало генерала с лошади, и войска остались без предводителя! Им начался длинный ряд тех, которые погибли, добывая страшный редут. Генерал Моран тяжело ранен. Ланаберт занял его место, и Ланаберт убит! Коленкур, гораздо позднее, заступает место Монбрена во всём: в успехе и смерти. Но мы доскажем после о блестящей атаке и роковой судьбе молодого генерала. Прежде всех, здесь названных, как нам уже известно, генерал Бонами, первый, вскочивший в центральный редут, получил, как говорят французы, 21 рану штыками и взят в плен. Солдаты наши, дивясь его храбрости, сочли его за Мюрата.

Большой центральный редут был решительно захвачен. Синие и пёстрые толпы французов суеились около пушек; но два человека, постигнув всю важность потери и рассуждая, что отнятое центральное укрепление может, оставшись долее в руках неприятеля, решить судьбу целого дня и отворить ворота в самом центре линии, положили по мере отнять опять редут и с ним ключ позиции. Поле далеко было покрыто рассеянными единицами. Два человека, о которых мы сказали, взяли третий батальон Уфимского полка из корпуса Дохтурова и повели его к цели. Одного из этих храбрых видел я накануне на большой батарее при Бородине. Он был ещё в цветущих летах, с привлекательными чертами лица; товарищи и подчинённые не могли налюбоваться его храбростию, его воинскими дарованиями. Глядя на него, так легко

было вспомнить о молодом паладине средних веков! И тем легче, тем естественнее, что великая битва, где ратовало рыцарство, законное в железо, битва при Креси, происходила в то же самое число, 26 августа 1346 года, как и наша Бородинская! Юность, осанка, мужество, всё соединилось в живом, бодром воине: это был граф Кутайсов — командир всей артиллерии при Бородине. Другой, в летах более зрелых, осанистый, могучий, с атлетическими формами, с лицом и мужеством львиным, ехал рядом с названным выше воином. Им был генерал Ермолов, тогдашний начальник штаба. Оба в мундирах конной артиллерии. Не успели они двинуться с места, как пример их начал действовать благотворно. Единицы стали быстро соединяться в десятки, сотни, тысячи, и скоро увидели колонну, которая не уступала в длине и плотности знаменитой колонне в битве Фонтенейской. Но эта самостоятельная колонна, из солдат разных служб, разных полков, разных мундиров, не имела никакого единства, никакой правильности. У ней было, однако же, единство цели! Два мужественных вождя, далеко впереди всех, вели эту толпу храбрых. Французы, незаконные владельцы редута, видели приближающуюся бурю и не дремали на своих трофеях. С фасов редута засверкал ужасный огонь. Великодушная колонна редела, волновалась. Была минута, солдаты задумались, остановились. И тут-то Ермолов употребил средство, о котором рассказ и теперь остаётся в числе любимых солдатских преданий о незабвенном дне. По обдуманному ли намерению или нечаянно у него, как у начальника штаба, случился запас Георгиевских солдатских крестов в мундирном кармане. Воспользовавшись минутою, он вынул горсть крестов, закричал: «Ребята, за нами! Кто дойдёт, тот возьмёт!» И вслед за тем начал кидать кресты далеко впереди себя. Это средство обаятельно подействовало на солдат: они кинулись к крестам и пошли вперёд! Генералы подвигались скоро, кресты мелькали, толпа бежала, «ура!» гремело. И таким образом, от креста до креста, подошли к самому редуту. Редут зевнул дымом и пламенем, высал бурю картечи, брызнул косым дождём пуль; ряды пали,

Ф.Н. Глинка. Из очерков Бородинского сражения

другие стеснились и ворвались в укрепление. Из двух предводителей не досчитались одного: граф Кутайсов исчез! Россия и товарищи не могли предать земле с честью его тела, которого не доискались под горами убитых; только верный конь его прибежал к своим. Генерал-майор Ермолов ранен в шею, но продолжал сражаться.

Мы занялись исключительно повествованием о блистательном подвиге двух предводителей огромной самодельной колонны; но историческая верность требует рассказать, из кого и как она составила. В одно время с Уфимским батальоном генерал Паскевич ударил в левое крыло французов. В то же время генерал Васильчиков с некоторыми полками 12-й дивизии штурмовал редут справа, и в то же время ещё один генерал, захватив остальные полки той же 12-й дивизии, обогнул редут сзади.

Этим движением угрожал он отрезать французов от войск Морана, оставшихся на поле. Генерал, сделавший такое искусное движение, был один из тех, которых воинские дарования расцвели во всей красе в продолжение войны отечественной. Если я скажу, что он, страшный неприятелю и привлекательный к своим, пользовался необыкновенною любовью своего Орловского полка, своей 26-й дивизии, то люди XII года тотчас угадают, что это был генерал Паскевич... Редут претерпевал осаду и штурм. Соединённые усилия восторжествовали: 30-й линейный полк выбит из окопа, сбит с поля и взброшен на дивизию Морана. В редуте всхолмилась куча убитых и раненых: между последними взят и Бонами. Остатки 30-го полка жестоко преследованы эскадронами Корфа. Их выслал туда вместе с двумя полками драгун, Сибирским и Иркутским, генерал Барклай-де-Толли. Неутомимый неприятель делал разные попытки, которые мы схватим хотя в слабых оттенках.

Усиленная резервами конница французская следовала по пятам за нашею. Вдруг кидается она в промежутки колонн и пехотных каре и является в тылу 4-го и 6-го корпусов.

Но храбрые наши не замешались. Задние фасы каре зажглись, и по ним побежал такой батальный огонь, что неприятель, далеко занёсшийся, готов был спрятаться под землю. Видя успех пехоты, кавалерия наша бьёт неприятельскую и гонит её неотступно, пока она не скрылась за стенами своей пехоты; но не успело поле отдохнуть и очиститься, как заревели обе артиллерии. И между тем как с обеих сторон валились люди, конница французская раз за разом взбегала на поле и схватывалась с нашею, то расшибая, то расшибаясь, в это время и в этих же местах распорядился генерал Барклай-де-Толли. Михаил Богданович Барклай-де-Толли, главнокомандующий 1-ю западною армиею и военный министр в то время, человек исторический, действовал в день Бородинской битвы с необыкновенным самоотвержением. Ему надлежало одержать две победы, и, кажется, он одержал их! Последняя — над самим собою — важная! Нельзя было смотреть без особенного чувства уважения, как этот человек, силою воли и нравственных правил, ставил себя выше природы человеческой! С ледяным хладнокровием, которого не мог растопить и зной битвы Бородинской, втеснялся он в самые опасные места. Белый конь полководца отличался издали под чёрными клубами дыма. На его челе, обнажённом от волос, на его лице, честном, спокойном, отличавшемся неподвижностью черт, и в глазах, полных рассудительности, выражались присутствие духа, стойкость непоколебимая и дума важная. Напрасно искали в нём игры страстей, искажающих лицо, высказывающих тревогу души! Он всё загаил в себе, кроме любви к общему делу. Везде являлся он подчинённым покорным, военачальником опытным. Множество офицеров переранено, перебито около него: он сохранён какою-то вышею десницею. Я сам слышал, как офицеры и даже солдаты говорили, указывая на почтенного своего вождя: «Он ищет смерти!» Но смерть бежит скорее за теми, которые от неё убегают. 16 ран, в разное время им полученных, весь ход службы и благородное самоотвержение привлекали невольное уважение к Михаилу Богдановичу. Он мог ошибаться, но не обманывать. В этом был всякий уверен,

Наследие

даже в ту эпоху, когда он вёл отступательную, или, как некто хорошо сказал, «войну завлекательную!» Никто не думал, чтобы он заводил наши армии к цели погибельной. Только русскому сердцу не терпелось, только оно, слыша вопли отечества, просилось, рвалось на битву. Но предводитель отступления имел одну цель: вести войну скифов и заводить как можно далее предводителя нашествия. В другой стороне был другой человек, которого усвоила себе история, который, без связей и отношений в России, одним личным достоинством, вынудил всеобщее уважение у современников; я не говорю уже о потомстве: оно не смотрит на отношения и ценит одни дела. Не спрашивая, можно было догадаться, при первом взгляде на его физиономию, чисто восточную, что род его происходит из какой-нибудь области Грузии, и этот род был из самых знаменитых по ту сторону Кавказа. Это был один из родов царственных. Но время и обстоятельство взяли у него всё, кроме символического герба наследственного. Одному из потомков предоставлено было, в незабвенную эпоху побед суворовских, осветить своё родословное древо прекрасным солнцем и воздухом Италии и окропить для бессмертия корни его своею благородною кровию в день борьбы беспримерной за жизнь и бытие России. Этот человек и был и теперь знаком всякому по своим портретам, на него схожим. При росте несколько выше среднего, он был сухощав и сложен крепко, хотя несвязно. В его лице были две особенные приметы: нос, выходящий из меры обыкновенных, и глаза. Если б разговор его и не показался вам усеянным приметами ума, то всё ж, расставшись с ним, вы считали бы его за человека очень умного, потому что ум, когда он говорил о самых обыкновенных вещах, светился в глазах его, где привыкли искать хитрости, которую любили ему приписывать. На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасностей; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его, — и тогда черты лица, вытянутые, глубокие, вспрыснутые рябинами, и бакенбарды, небрежно опущенные, и другие мелочные особенности приходили в какое-то общее согласие:

из мужчины невзрачного он становился генералом красным. Глаза его сияли; он командовал и в бурке, с нагайкою, на простом донце, нёсся, опережая колонны, чтоб из начальствующего генерала стать простым передовым воином. Это был наш князь Багратион!

Видя, что неприятель сгустил слишком много войск против нашего левого крыла, он приказал Тучкову подкрепить дивизии Воронцова и Неверовского дивизиею Коновницына. Трое храбрых собрались в этом пункте. В то же время отдал приказание кирасирам Дуки переехать за ручей Семёновский и стать перед деревнею на поляне.

С своей стороны, Кутузов, видя, в чём дело, вывел из резерва кирасирские полки, придал им 8 орудий конной артиллерии и весь отряд направил на Семёновское, где он установился за 2-ю кирасирскую дивизию. Не довольствуясь одним, прозорливый главнокомандующий послал ещё другое подкрепление действующему и вместе страждущему левому крылу. Измайловский и Литовский гвардейские полки, сводная гвардейская бригада и артиллерийские его высочества и Аракчеева роты пущены к концу линии влево, где крутились дымные вихри сражения. Чтоб утолстить ещё более наше левое крыло, не боясь за правое, Кутузов приказал полковнику Толю перевести весь корпус Багговута и длинную цепь пушек — батарею в 36 орудий — справа налево. Артиллерийский резерв выдвинул туда же многие из своих батарей из Псарева. Всё шло, всё ехало, всё мчалось к Семёновскому; всё вихрилось около этого места. Всякий хотел владеть ключом позиции.

Мы уже рассказали, как французы, сначала застенчиво выказываясь из лесов, наконец вынырнули и понеслись на реданты. Но там был Воронцов, генерал молодой, знатный, мужественный; он покорял сердца своих сослуживцев и не хотел дать неприятелю покорить вверенные защите его укрепления. Пехота и артиллерия русская, молча, остолбенев, но взводя курки и подняв фитили, выжидали приближения французов.

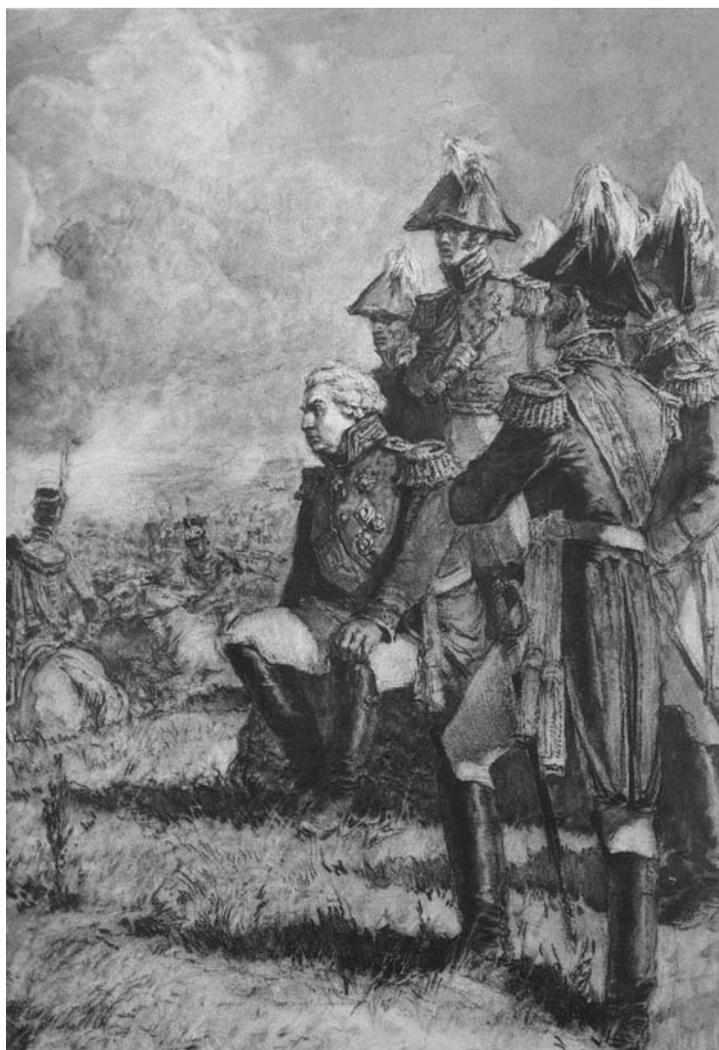
Ф.Н. Глинка. Из очерков Бородинского сражения

Страшно идти на неприятеля, который не стреляет!.. Но французы шли... Русская линия брызнула им прямо в лицо целым дождём пуль и картечи!.. Французы облились кровью и не остановились. Как бешеные, кинулись они в промежутки редантов и захватили второй из трёх!.. Сводные воронцовские батальоны, слушая голос любимого генерала, сжимались в колонны и кидались на неприятеля с штыком и прикладом. Их подкрепляли полки бесстрашного Неверовского, кирасиры мужественного Дуки. К дивизиям Ледрю и Маршана подвели легкоконную бригаду Бермана и другую Брюера. Тут всё схватилось, всё обдалось кровью!.. С обеих сторон рубились с каким-то наслаждением, хвастались упрямством и отвагою! Сеча продолжалась, а реданты, переходя, как мы уже видели, из рук в руки, наконец, по-видимому, упрочились за французами.

Но Багратион во что бы то ни стало захотел отнять опять реданты, в которых уже хозяйничали войска Нея и Даву. Он окликнул все свои резервы, даже полки гвардейские. Огромное столпление батальонов и конницы запестрело в поле. Нея, обдержанный в сечах, видит бурю и не колеблется. Оборотясь к ординарцу своему Готпулю, маршал сказал: «Донесите императору, что неприятель собрал слишком значительные силы: не надобно ль меня подкрепить?» Но посланный ещё не доехал до места, как поле заговорило под копытами многочисленной кавалерии. Впереди всех нёсся всадник в своём живописном наряде: за ним волновалась целая река его конницы. Казалось, который-нибудь из средних веков выслал сюда всё своё рыцарство! Могучие всадники, в желтых и серебряных латах, на крепких конях, слились в живые медные стены. Тысячи конских хвостов, пуки разноцветных перьев гуляли по воздуху. И вся эта звонко-железная толпа неслась за Мюратом.

Наполеон велел посмотреть ему, что делается у редантов. Он прибыл, дал знак, и войска французские врываются опять во второй из редантов, откуда их перед тем выгнали.

Русские кирасиры бросаются на отчаянную пехоту, но жестокий ружейный огонь удерживает пыл их, а 1-я бригада из дивизии Брюера оттесняет назад. Между тем реданты все составляют мишень для артиллерии, все цель и предмет для местной войны, и на соседний редант идёт пехота русская. Полки Виртембергские, из бригады Бермана, скачут навстречу и не пускают идущую. Весь 1-й кавалерийский корпус понёсся и обогнул реданты с тылу. И вот три окопа, как три острова, тонут в живом разливе кавалерии: целая туча конских хвостов плавает по воздуху, тысячи голов толпятся у подножия редантов. Артиллерия французская коронует их!

Кутузов на Бородинском поле. Худ. В. Серов. 1950-е гг.

Наследие

Тут и 4-й кавалерийский корпус получил приказание выдвинуться из линии, перейти овраг Семёновский и ударить на русские пушки в деревне этого имени. Нет пера, которое могло бы передать все сцены при деревне Семёновской!

Оставим ещё раз Вентурини — сказать несколько слов об этом моменте: «Русские пушкари были примерно верны своему долгу. Брели редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, лишась одной руки, канонир отмахивался другою. У подножия редантов лежали русские, немцы и французы. Истекая кровью, они ещё язвили друг друга, чем кому было можно. Иные, как говорят, грызлись зубами!»

Артиллерия наша вообще имела почти независимую свою деятельность в сражении Бородинском. И между тем как во рвах, перелесках, у подножия укреплений и на плоских промежутках низменностей полки, колонны, батальоны и толпы рассеянные строились, двигались, смыкались и, как волны, с одного края на другой переливались: ядра, картечь и гранаты, взвиваясь, издавая рассыпчатый визг и, лопнув, вспыхивая синеватым огнём, то пронизывали насквозь сжатые строи, то шипели, несясь по головам и срывая их вихрем полёта своего, то, с клохтанием пронося смерть над самыми головами и изменяя своеобразно полёт свой, с высоты на высоту перелетали. Батареи: большая Горецкая, центральная Раевского и реданты Семёновские менялись убийством с редутами левого французского крыла, с громадными батареями Дантуара и Сорбье; и смерть то дугообразно, то в направлении линейных выстрелов сновала туда и обратно. И всё это делалось на воздухе! Земля же между тем, на которой шла битва, в полном смысле слова, заплывала кровью. Тысячи стрелков, таясь под закрытием, толпы конных, выскакивая из засады и закрытий, и колонны, идущие в откровенный бой, палили, резались и в отчаянных схватках понимали друг друга штыками, дрались, боролись и, умирая, ещё грозили друг другу цепенеющими взглядами.

Несмотря ни на какой огонь артиллерии и пехоты нашей, генерал Латур-Мобург едет вперёд с Саксонскими кирасирами. Эти панцирщики, так же как и вестфальцы, тук Германии, могучие, длинные, широкие, кони под ними как медведи! Латур с своим медным легионом напирает на русских, косит направо и налево и захватывает спорную позицию, между тем как генерал Нансути, ведя кирасирскую дивизию Сен-Жермена, топчет и рубит всё что ни попадетсся с правой стороны редантов. Он очистил всё поле до самого оврага Семёновского.

Пока всё это происходило, выказался на высотах 8-й корпус Жюно. Ней, видя, что атаки на реданты не имеют желанного успеха, замышляет другое дело и отправляет корпус направо, к Понятовскому, который сражался на крайней оконечности русской линии. Время сказать несколько слов и о левом крыле. Это крыло, как мы видели, было уперто в большой лес и прикрито высоко торчащим курганом с 25 пушками. Ещё два холма, увенчанные редутами, находились неподалёку оттуда. Тучков стоял грозно. Корпус его построен был перед деревню Утицею в четыре линии. Четыре егерских полка, с князем Шаховским, рассыпались вправо по кустарникам, чтоб занять промежутки между войсками Тучкова и левым крылом главной линии. Князь Понятовский, пройдя через Ельню, вынырнул из лесов на деревню Утицу, поднял перед собою тучу русских стрелков и вытянулся в поле за Утицею. Сильная артиллерия Тучкова громила его ужасно! Этот наступ Понятовского готовы были подкрепить: Даву, Ней и, ближе всех, 8-й корпус Жюно, составленный из вестфальцев. Расположась длинною лестницею, уступ за уступом, маршалы должны были эшелонироваться справа, чтоб громить и огибать наше крыло левое. В помощь Нею и Даву придан король Неаполитанский с корпусами Нансути, Монбрена и Латур-Мобурга.

Тучков после сильного сопротивления оставил деревню Утицу и отступил левее, на высоту, пристроясь к дивизии графа Строганова; оттуда открыл он ужасную пушечную и ружейную пальбу. Поляки задумались.

Ф.Н. Глинка. Из очерков Бородинского сражения

При отправлении 8-го корпуса вправо был в виду стратегический замысел. Вестфальцам велено, подав руку Понятовскому, стараться выжить из больших кустарников егерей наших, оборонявших промежутки, важный в смысле военном.

«Ней хорошо и удачно предпринял этот опасный замысел. Удайся он — и корпус Тучкова подвергался опасности быть отрезанным от общей боевой линии, и неприятель мог бы разбивать наши реданты с тылу, и наша линия могла быть обойдена.

Но предусмотрительность Кутузова помогла делу. Багговут, заблаговременно назначенный на помощь левому крылу, подоспел теперь со 2-м корпусом и перетянул весы на нашу сторону. Два полка из новоприбывшего корпуса с генералом Олсуфьевым отряжены на помощь Тучкову. В разных периодах, при разных обстоятельствах XII года, в сражениях, на трудных переходах, на биваках солдатских, привыкли видеть одного человека всегда первым в сражении, последним в занятии тёплой квартиры, которую он часто и охотно менял на приют солдатский. Его искренняя привязанность к бивакам ясно отражалась на его шинели, всегда осмоленной, всегда запудренной почтенною золою походного огня. Он был молод, высок, худощав, белокур, с голубыми глазами, с носом коротким, слегка округлённым, с лицом небольшим, очень приятным; в обхождении и одежде прост, стройный стан его небрежно опоясан истёртым шарфом с пожелтевшими кистями. Чудесно свыклись солдаты с этим человеком в серой шинели, в форменной фуражке! Он любил с ними артелиться: хлебать их кашу и лакомиться их сухарем. Никто не смел пожаловаться на холод и голод, видя, как терпеливо переносил он то и другое. Трудно было с первого раза, с первого взгляда угадать, что это за человек? Видя его под дождём, на грязи, лежащего рядом с солдатами, подумаешь: «Это славный фрунтовой офицер!» Блеснёт крест-другой из-под шинели, и скажешь: «Да он и кавалер! Молод, а заслужил!» И вдруг бьют подъём, встают полки, и этот офицер (уж не простой офи-

цер!) несётся на коне, а адъютанты роятся около него, и дивизия (4-я пехотная) его слушает, и более чем слушает: она готова за ним в огонь и в воду! Так это уж не офицер, это генерал, да и какой! Он подъезжает к главнокомандующему, к первым сановникам армии, и все изъявляют ему знаки особенного уважения... Видно, это кто-то больше генерала? Это принц Евгений Виртембергский. Его дивизия и удачно и вовремя подкрепила кирасир. А между тем в том важном промежутке, в тех незапертых воротах, между левым крылом и главной линией на протяжении целой версты уже давно развезжал витьязь стройный, сановитый. Кирасирский мундир и воинственная осанка отличали его от толпы в этой картине наскоков и схваток.

Под покровительством 40 орудий, вправо от Утицы, дивизии Заиончика, Княжевича и конница Себастиани пошли в атаку и, вопреки всем усилиям русских, овладели курганом. С потерей высокой господственной точки русские должны были сойти со старой Смоленской дороги, и армия подвергалась обходу слева. Вот почему Тучков положил на мере во что бы то ни стало сбить поляков с кургана и завладеть обратно потерянным. Сделано распоряжение. Тучков сам с Павловскими гренадерами идёт прямо в лицо полякам: граф Строганов с четырьмя полками гренадеров: С.-Петербургским, Екатеринославским, графа Аракчеева и лейб-гренадерским — атакует их справа, а генерал-лейтенант Олсуфьев, с двумя пехотными, Белозерским и Вильманстрандским, заходит в тыл. Этим сплошным и дружным движением поляки сбиты, и граф Строганов увенчивает опять курган нашими пушками, которые далеко провожают неприятеля. Но среди всех выгод русские искренне опечалились: храбрый воинственный генерал Тучков 1-й смертельно ранен. Его место занял Олсуфьев, пока прибыл Багговут.

Скоро после Тучкова, показавшего столько преданности к делу отечества, приехал на оконечность левого крыла другой генерал. Солдаты узнали его по всему: по видной осанке, по известной в армии храбрости, по тело-

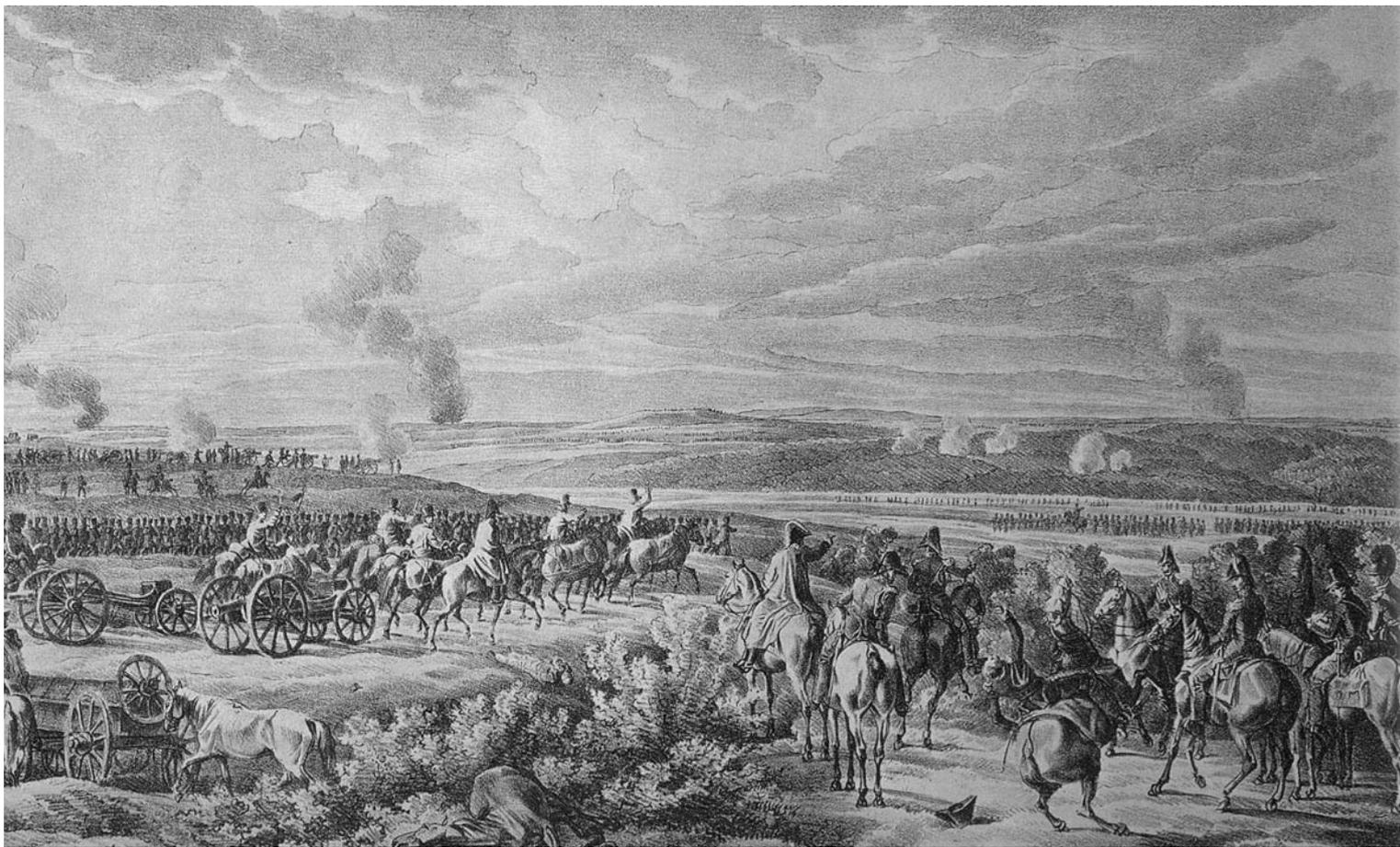
Наследие

сложению необыкновенному. При росте значительном он был широк в плечах, дюж и тучен. Пространная грудь увешана была крестами. Он разъезжал на вороном аргамаке. Могучий конь гнулся под седоком, который напоминал о древних богатырях древней героической Руси. Проезжая места, где храбрый Воронцов до раны своей отбивал с гренадерами неистовые набеги пехоты и князь Голицын рубил французскую конницу, генерал, о котором мы говорили, — это был Багговут — разговаривал с артиллеристами: «Жарко у вас!» — «Греемся около неприятеля!» — отвечали ему. Вот образчик разговоров между чащами штыков, под бурею картечной. И действительно, там было жарко! Там русские, говоря языком старых преданий, парились в банях кровавых железными венниками!

Представив столько общих больших картин, я займствую одну частную (из книги «Рассказ артиллериста о деле Бородинском»), в которой как наяву увидим, как и в каком духе сражались наши артиллерийские офицеры: «Достигнув пешком (лошадь под ним

была убита), — говорит почтенный сочинитель книги, — достигнув батареи Вейде, я увидел храброго офицера с простреленною рукою. Кровь текла из раны, но он не обращал на это внимания. «По крайней мере, вели перевязать себе рану; я принёс тебе приказание от графа Сиверса». Солдат заложил ему рану паклею и стал перевязывать платком. Но сильный от природы, он вырвался из рук перевязчика и кричал без памяти: «Второе и третье орудие по правой колонне... пли! Хорошо, ребята, мастерски! Выстрелы не даром!»

Храбрый Любенков, ибо это он, сочинитель помянутой книги, сквозь сечи и схватки Малороссийских кирасир с латниками, чрез поле ужасов возвратился к своему месту. Там застал он двух товарищей, окровавленных, умирающих. Поручик Давыдов, раненый (под грозою разрушения), сидел в стороне и читал свою любимую книгу: «Юнговы ночи», а картечь вихрилась над спокойным чтением. На вопрос: «Что ты делаешь?» — «Надобно успокоить душу. Я исполнил свой долг и жду смерти!» — отвечал раненый.

Ф.Н. Глинка. Из очерков Бородинского сражения

Другой поручик, Норов, прощался с своими глазами, которые уже цепенели, и сказал: «Не оставляйте, братцы, места и поклонитесь родным!» Проговоря это, умер! «Выстрелы, — говорит Любенков, — бывали иногда удивительно удачны. Французское ядро попало в верхнюю часть нашего орудия, отдало его, сбilo пушку, сделало впадину и отскочило. Солдаты тут говорили: «Верно, не по калибру пришлось!» Вот образчик остроумия под громом батарей!

Между тем на правом нашем крыле также происходили дела! Вице-король Италианский короновал за Бородиным высоты сильными батареями, которые, однако ж, не раз замолкали пред батареями русскими. И за всем тем наше правое крыло осыпано было ядрами и гранатами неприятельскими. День Бородинской битвы был праздником артиллерии. «Наполеон, — говорит Барклай-де-Толли, — хотел уничтожить нас своей артиллерией». Мы уже сказали, что дивизии Жерара, Морана и Брусье нагло перешли Колочу. Но там напали они на наших стрелков, которые завязали с ними жестокую перестрелку. С высоты холмов наших и неприятельских выслались тучи ядер и картечь; по долинам летали и жалили пули, как пчелы. Битва кипела и в воздухе и на земле: не было места без смерти!

И вот уже 12 часов утра! Первый вид (phase) великого сражения, первый акт кровавой трагедии кончен. Солнце нашего северного августа разработало все тучи в небе, подняло все туманы с земли, поглотило всю ночную сырость в воздухе и стояло высоко и в полном великолепии. Это солнце, наше родное солнце, уже одержало победу свою в полуосеннем русском небе; оставалось нам сделать то же на русской земле. Я был на большой батарее и с высоты кургана Горецкого видел картину изумительную. Пахнувший с правой стороны ветер отвеял до половины пелену дыма; правое крыло наше, стоявшее на высотах, облилось солнцем и светом; левое лежало углублённым в синеющий мрак. <...>

Перед самым лицом правого крыла догорало Бородино. Два света, отблеск близкого пожара и лучи полуденного солнца, окрашивали двойной ряд облаков воздушных и дымовых, беспрестанно густевших от выстрелов неумолкавших.

Позиция Бородинская была длинна и шершава, и потому свет и тень не могли укладываться на ней одинаково: между ними было, может быть, такое же борение, как и между войсками, державшими свой великий спор. Полки делали переходы, чтоб попеть к местам угрожаемым. И те, которые приходили с свежего воздуха, видели, что над сражающимися лежала чёрная ночь. Новая твердь, составленная из дыма, отделила землю от неба. Искусственные молнии бегали по искусственным тучам. Входившим в темноту сражения казалось, что их вводили в какой-то чёрный вертеп! Но рассуждению не было тут места! Двигались по порывам, кидались, куда призывал звук барабанов и труб. Ядра и гранаты далеко пролетали, даже за резерв. Это подало, как мы видели, случай Милорадовичу сказать: «Вот сражение, в котором трус у нет места!»

Вступя в оглушительный треск Бородинского сражения, некогда было рассуждать о времени. Каждую минуту пролетали 120 ядер и 120 смертей; в каждую минуту могло рассыпаться более 4000 картечи: когда ж тут справляться с часами? Однако ж было уже 12 часов, побоище длилось, но весы колебались, и бой около полудня начинал стихать. Но вот Наполеон, уже нетерпеливый, приказывает удвоить жар и напор. Огонь неприятельский, понемногу замиравший, вдруг ожил страшную жизнь. Со всех сторон потянулись цепи орудий. Батареи мчались, скакали, сдвигались, и 400 пушек явилось пред нашим левым крылом! Под огненную защиту этой огнедышащей артиллерии сильные колонны вновь засинели на поле перед Семёновскими редантами. Видя такие грозные пашки на роковой доске, русские также выдвигают 300 орудий!

← *Перед сражением у Можайска 5 сентября. Литография по рисунку А. Адама. 1830-е гг.*

Наследие

Кутузов, сверх того, приказал Миларадовичу подтянуться левым флангом и перевести корпус Остермана и 2-й кавалерийский за центр армии. Этот центр, истончавший, протёртый, требовал надёжной подкладки! В то же время Платов и Уваров отряжены на тайное дело в особую экспедицию.

Искра воли Наполеоновой упала на рассыпанный порох, и бой перед Семёновским закипел с силою необычайною, с остервенением беспримерным. 700 орудий, столпясь на одной квадратной версте, почти толкались между собой и, составляя подвижные вулканы, дышали огнём и опустошением! Ядра пронизывали толщи колонн; гранаты, лопаюсь, и картечь, рассыпаясь, дождили на них сверху: било черепьём и ивернями. А между тем ружьё горело, и перекатный, яркий батальный огонь не умолкал при этом кипятке сражения; многочисленные пешие и конные колонны неприятельские шли на нас с необыкновенным, ужасающим спокойствием. Наша артиллерия принимала их насквозь, раздирала на части; но, многолюдные, они сжимались и шли далее. Маршалы стояли твёрдо в своём намерении: солдаты понимали их. Всё было стройно и торжественно в этом ужасном разложении масс! По грядам убитых, по трупам товарищей французы шли и штурмовали реданты!

Ужасна была картина той части поля Бородинского, около деревни Семёновской, где сражение кипело как в котле. Густой дым и пар кровавый затмили полдневное солнце. Какие-то тусклые, неверные сумерки лежали над полем ужасов, над нивою смерти. В этих сумерках ничего не видно было, кроме грозных колонн, наступающих и разбитых, эскадронов бегущих. Груды трупов человеческих и конских, множество распущенных по воле лошадей, множество действующих и подбитых пушек, размётанное оружие, лужи крови, тучи дыма — вот черты из общей картины поля Бородинского! <...>

Деревня Семёновская пылает, дома оседают, горящие брёвна катятся. Бледное зарево во множестве лопающихся бомб и гранат броса-

ет тусклый, синеватый отблеск на одну половину картины, которая с другой стороны освещена пожаром горящей деревни.

Конная артиллерия длиною цепью скачет по мостовой из трупов.

Вот тут-то последовало то важное событие, о котором мы уже слегка говорили. Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и всё левое крыло наше во всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!.. У нас нет языка, чтоб описать эту свалку, этот сшиб, этот протяжный треск, это последнее борение тысячей! Всякий хватался за чашу роковых весов, чтоб перетянуть их на свою сторону. Но окончательным следствием этого упорного борения было раздробление! Тысячи расшились на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная борьба человека с человеком, война с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей. После целого ряда генералов ранен и сам князь Багратион. <...>

Но явился Коновницын; его узнали по голосу. Уступая судьбе и обстоятельствам, он вдруг перевёл войска за деревню Семёновскую и расставил их по высотам. Так размежевался он с неприятелем живым урочищем, роковым оврагом, с уступкою спорных редантов и с необыкновенною быстротою устроил сильные батареи, которые неслись и стреляли; строились и стреляли; остановились и громили разрушительными очередными залпами... В этой окрестности, под влиянием Коновницына, находились и прославились полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский. Вместе с другими подкреплениями Кутузов послал их на левое крыло. Измайловцами командовал тогда полковник Храповицкий. Он имел ещё другое поручение и вверил полк старшему по себе полковнику Козлянинову. Провожаемые губительной

Ф.Н. Глинка. Из очерков Бородинского сражения

пальбою с батареей неприятельских, отражённые полки заняли своё место в величайшем порядке, как на домашнем ученье.

В дыму и ужасах сражения измайловцы стояли мужественно. Но вдруг, как воздушное явление, засветилась вдали медная стена; она неслась неудержимо, с грохотом и быстротою бури. Саксонские кирасиры, под начальством генерала Тилимана, примчались и бросились на правый фланг второго батальона Измайловского. Но время не упущено: все батальоны построились в каре, стали уступами и открыли такой батальный огонь, что неприятель, обданный вихрем пуль, отшатнулся и побежал назад! Но отпор не остановил напора! Туча медвежьих шапок замелькала в воздухе. Конные гренадеры, несясь по следам кирасир, и также оттолкнуты, и также побежали. Многие, занёсшиеся неосторожно вперёд, гасли на штыках измайловских. Тут храбрый, осанистый полковник Храповицкий, ставший сам командовать после раненого полковника Козлянинова и заменившего его на время Мусина-Пушкина, также ранен, но не оставил команды.

В это время нёсся по полю корпус Нансути. Ему нарочито приказано объехать и сбить с места Измайловский и Литовский полки,

чтоб прорваться за левое крыло наше. Ужасен был этот налёт французской кавалерии.

В прямом смысле слова можно сказать, что французская конница, громада необозримая, разлилась, как море, и наши каре всплыли посередине, как острова, со всех сторон поражаемые нахлестами медных и стальных волн неприятельских панцирников. Наездники встречены и провожаемы были удачными перекрёстными выстрелами каре, и русский дождь свинцовый наконец пронял и отразил этих (*gens de fer*) железных людей: так называл Наполеон кирасир французских.

Генерал Дохтуров, личный свидетель подвигов Измайловских и Литовских каре, загнанный бурей скачущей отовсюду конницы, сам вверил себя одному из этих каре, каре 1-го батальона, и отстоялся в нём. Три генерала, и между ними король и вице-король, как мы видели, должны были скрываться в каре: вице-король в каре 84-го, Дохтуров в каре Измайловском, король Неаполитанский в каре 33-го полка. По этому судите о бурях и случайностях Бородинского сражения! Маршалы призадумались; но не отстали от своего намерения и продвинулись вперёд.

Около Бородина. 6 сентября 1812 г. Литография по рисунку А. Адама. 1830-е гг.

Наследие

В самом разгаре битвы за реданты и за редантами видели одного человека длинного роста, с значительным европейским лицом. Он был уже на склоне лет, но всё в нём показывало, что в молодых годах своих он был стройным мужчиною и, может быть, храбрым наездником, несмотря на кротость, выражавшуюся в спокойных чертах. Те, которые знали близко этого человека, этого знаменитого генерала, говорят: «Мудрено найти кротость, терпение и другие христианские добродетели, в такой высокой степени соединёнными в одном человеке, как в нём». — «Жаль, — говорит некто в современных Записках своих, — жаль, что мало людей могут чувствовать красоту и великость такого характера!» Под портретом его я видел, позднее, надпись: «Invictus Victor». И в самом деле, он первый начал побеждать дотоле непобедимого. Это был генерал Бенигсен!

Скрыв лучи своей Прейсиш-Эйлауской славы, он заботливо и скромно разъезжал по полю битвы. Я был в числе тех, которые спросили у него: «В какой степени можно сравнивать настоящее Бородинское сражение с Прейсиш-Эйлауским?» Победитель при Эйлау, не задумавшись, отвечал с высокою скромностию: «Верьте мне, что в сравнении с тем, что мы до сих пор видим (а это было в 12-м часу дня, когда 700 пушек на одной квадратной версте ещё не гремели), Прейсиш-Эйлауское сражение только сшибка!»

Прискакав вместе с Барклаем, оба военачальника ободрили войска левого крыла и, загнув оное, уперли одним концом в лес, занятый Московским ополчением. Это придало силы обессиленным потерями и своим положением.

Незадолго перед ними в пожар и смятение левого крыла въехал человек на усталой лошади, в поношенном генеральском мундире, с звёздами на груди, росту небольшого, но сложенный плотно, с чисто русскою физиономиею. Он не показывал порывов храбрости блестящей посреди смертей и ужасов, окружённый семейю своих адъютантов, разъезжал спокойно, как добрый помещик между работающими поселянами; с заботливостию дель-

ного человека он искал толку в кровавой сумятице местного боя. Это был Д. С. Дохтуров.

В пылу самого сражения Дохтуров получил от Кутузова начерченную карандашом записку: «Держаться до последней крайности». Между тем под ним убило одну лошадь, ранило другую. Он всё разъезжал спокойно, говоря солдатам про Москву, про отечество, и таким образом, под неслыханным огнём Бородинским, даже, как мы видели, некоторое время в одном из каре своих, пробыл он 11 часов. <...>

Уже наступила грустная для нас эпоха, когда все главнейшие препятствия, заслонявшие позицию нашу: речки Войня, Колоча, овраг Семёновский и ручей Огник, перейдены!.. От Утицы до Бородина протянулась синею лентою линия французская.

В это время Наполеон устраивает атаку серединную (charge de pont), о которой он говорит в своём 18-м бюллетене, приготовляясь ударить, как молотом, всею толщею своего правого крыла поперёк груди нашей армии. Маршал Ней сжался и с тремя соими и двумя из 1-го корпуса, всего с пятью дивизиями, стоявшими иной армии, пошёл теснить и разбивать левое крыло русское, с которым он постоянно бился с мужеством неукротимым. Между тем посланный им Готпуль отослан Наполеоном к дивизии Клапареда и потом к дивизии Фриана, который, ещё незадолго перед тем, от самого Наполеона получил приказание изготовиться к наступу, коль скоро реданты при Семёновском будут взяты. К исходу боя между маршалами и князем Готпуль привёл Фриана и его дивизию прямо к высотам и редантам Семёновским. Эту свежую дивизию жестоко поздравили дождём и градом пуль и картечи с третьего реданта, ещё уцелевшего за русскими. Но старый Фриан велит бить во все барабаны и скорым наступным шагом ведёт дивизию на приступ. Никакое сопротивление не могло остановить этого отчаянного приступа, и русские отброшены за Семёновский овраг, не успев, как мы уже давно сказали, свести пушек с реданта. Генерал Дюфур, с 15-м лёгким пехотным полком, как

Ф.Н. Глинка. Из очерков Бородинского сражения

нам уже известно, перемчался за овраг, принял налево, захватил Семёновское (которое, впрочем, наши готовы были уступить) и стал на этой прожженной почве твердою ногою, поддерживаемый остальными войсками дивизии в колоннах по бригадам.

Генерал Фриян попытался было протянуть своё правое крыло, чтоб сомкнуться с Неем, но русские с страшным криком уже неслись ему навстречу.

При виде этой бегущей бури Фриян стеснил ряды, и тут же по его приказанию 33-й полк перешёл через овраг, выстроился в каре и заслонил полки 48-й и Испанский Иосифа Наполеона.

Под гремящим покровительством своих метких батарей конница русская делала отчаянные налёты на пехоту французскую; но французы (нельзя не отдать им чести) стояли как вкопанные! За что дрались они? Что заставляло их прирастать ногами к русской земле? Мрачные, безмолвные, без пальбы, без крика, линии французские допускали до себя русских на три шага, и вдруг огненная лента бежала по фронту и за страшным убийственным залпом, сыпался непрерывный рокот мелкой пальбы. Мёртвые и умирающие, кони и всадники русские длинными настилками ложились друг на друга. «Помогите! помогите!» — кричали раненые. «Не до вас, братцы! — отвечали им. — Надо прежде разведаться с неприятелем!» Вот минута, в которую армия русская могла показаться разрезанною: ибо ключевой плечной сустав, соединявший левое крыло с грудью армии, был изломан. Наши линии видимо тончали, позади и впереди их поле пестрелось от трупов и обломков разбитых снарядов, искрошенного оружия. Дивизии маршалов и 1-й кавалерийский корпус, служивший им связкою с дивизиею Фрияна, все подавались вперёд упрямо, напористо, грозно, но медленно. Отпорная сила русских не позволяла развиваться их привычной быстроте.

Оставим на время маршалов с их массами полупросквоженными, полурастерзанными

сражаться с остатками наших, полурассеянными, но твёрдыми на поле, упрямыми в бою, торгующимися за каждый шаг русской земли, оставим их у Семёновского и обратимся к большому люнету, к батарее Раевского. Этот люнет, или большой редут, отнятый Кутайсовым, Ермоловым, Паскевичем и Васильчиковым, всё ещё оставался в руках законных владельцев. Вице-король направлял на него и войска и огонь разрушительный. 26-я дивизия (Паскевича), истощенная донельзя, вся расстрелянная, требовала перемены. Её сменили с ужасной стражи дивизиею Лихачева из корпуса Дохтурова. Между тем убылые места предводителей, как мы уже видели, замещены: Дохтуров приехал на место Багратиона, Багговут на место Тучкова. Настало второе поколение генералов в Бородинской битве; лица изменились, а тяжба продолжалась.

Принц Евгений уже готовился к решительной атаке, как вдруг отозван к дивизии Дельзона, на которую напал съехавший с нашего правого крыла генерал Уваров с кавалериею. 1-й кавалерийский корпус с генералом Уваровым и казаки Платова переехали через Колочу при с. Малом, ударили на дивизию Орнано и прогнали её за Войню. От этого налёта донцов и гусар сильно встревожилась и дивизия Дельзона, защищавшая Бородино. Она спешила построиться в четыре каре. Сам вице-король, в происшедшей суматохе, искал спасения в каре 84-го полка. Неизвестно, к чему бы это привело; но Уваров, после нескольких наскоков на кавалерию и пехоту французскую, потеряв довольно людей, уклонился к с. Новому.

Впрочем, эта атака, во всех отношениях необходимая в виду правого русского крыла, оставившегося на некоторые мгновения довольно спокойным зрителем, произведена была вначале с довольно жаром. Между тем как Уваров спускался с высот, Платов распустил несколько полков донских казаков: вся луговая равнина к Колочи вдруг запестрела донцами. Они начали по-своему давать круги и щеголять разными проделками. Передовые французские пикеты всполохнулись и дали тыл. Казаки сели им на плечи! Напрасно

Наследие

отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили тяжёлых коней своих: донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадаках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы. Это сначала походило на заячью травлю. Солдаты русские, стоявшие на высоте Горок и вблизи Дохтуровой батареи, завидя удальство придонское, развеселились: махали руками, хохотали и громко кричали: «Вот пошли! Вот пошли! Хорошо, казак! bravo, казак! не жалеёй француза!» Но это было недолго! Донцы, сделав, что могли, сгучились и потянулись стороною, уступая место регулярной кавалерии.

<...> 2-й и 3-й кавалерийские корпуса русские выпущены на 2-й французский, и полковник Засс с Псковским драгунским, поддерживаемый 4-я орудиями конногвардейской артиллерии, далеко гнал кавалерию; и многие полки французские, не выдержав наскока наших, дали тыл и взброшены на свою пехоту. «Тут была, — говорит один самовидец, — кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся. Неприятельская и наша конница попеременно друг друга опрокидывали и потом строились под покровительством своей артиллерии и пехоты. Наконец, наши успели с помощью конной артиллерии обратить неприятельскую конницу в бегство. <...>

Большой люнет завоёван; но французы недалеко подвинулись с этим завоеванием: курган Горецкий и батарея Дохтурова ещё были целы, и на пространстве, ими обстреливаемом, не стояла нога неприятеля. Корпус Остермана, имея перед собою глубокий овраг Горецкий и на правой руке дивизию Капцевича, представлял опору надёжную и вместе отпор грозный. Генерал Груши, провожавший вице-короля, слева, пользуясь минутою расплоха при взятии люнета, кинулся было с кавалериею Шастеля на дивизию Капцевича. Но тут вдруг растворились вздоенные взводы пехоты, и генерал Шевич выехал с полками конной гвардии и кавалергардским. Шевич и гвардейцы впились в неприятеля. Лагуссе, Тьери, Шастель, Лафон, Бри-

ян, Тальгут, Домангет рубятся с нашими. Тюрень, Грамон и сам Груши ранены, и неприятель дал тыл! При атаках, подобных этой, офицеры французские, часто потомки благородных родов рыцарских, рубились один на один с офицерами первых фамилий русских. Были и другого рода поединки: целые полки, расположась один на одном, другой на другом берегу болотистого оврага, до тех пор стрелялись (чрез овраг), пока ни тут, ни там уже некому было зарядить ружья! На счёт личной храбрости офицеров: «Вообще (говорит генерал Сипягин) офицеры наши в Бородинском сражении, упоенные каким-то самозабвением, выступали вперёд и падали пред своими батальонами!»

В это же время явился на сцену и генерал Милорадович. С необыкновенною быстротою, скача сам впереди, подвёл он сильные батареи на картечный выстрел и начал осыпать завоёванный люнет целыми дождями картечи; уцелевшую ж линию оборотил на оси в косвенное положение и унёс фланг её от неприятеля. Наши выгоды в этом пункте восстановились.

Но обратимся к рассказу, который невольно теряет прямое методическое направление, и мы невольно запутываемся в повторениях. Один из полков, захвативших люнет, именно 9-й, был весь составлен из уроженцев Парижа (d'enfants de Paris). Он исполнил дело с блестящею неустрашимостью. В двухчасовой борьбе этот полк потерял из фронта 1068 рядовых и 42 офицеров! Полковник полка получил две раны пулями. Вот образчик потерь и храбрости французов!

Пушки (числом 18), вооружавшие люнет (крепкий только одним мужеством защитников, а, впрочем, слепленный наскоро), достались смелым неприятелям. И второй период сражения совершился. В это время Наполеон едет сам посмотреть вблизи на сражающихся. На поле битвы был самый разгар. Около четырёх часов за полдень лесок, прежде не замеченный русскими, вдруг запестрел толпою всадников. Этот лесок находился против самого кургана Горецкого. Между людьми

Ф.Н. Глинка. Из очерков Бородинского сражения

сановитыми, на прекрасных лошадях, среди пёстрых мундиров, блестящих богатыми эполетами, радужными цветами орденских лент и знаками отличия, отличался один без всякого знака. Он ехал на маленькой арабской лошадке, в серой шинели, в простой треугольной шляпе. Кто не узнал бы Наполеона? Когда большая часть укреплений на линии русских были захвачены, он подъехал на ружейный выстрел к сражению, чтоб взглянуть на ход и положение дел. Тут же хотел он было штурмовать курган Горецкий и батарею Дохтурова, которые только оставались невзятыми. Но его отговорили. Наполеону не совсем нравился ход дел. Правда, что русские теряли много народу, продолжая драку открыто вне ретраншаментов: пушки французские громили беззащитных. Много было мёртвых, но живьём не сдавались наши неприятелю, разве кого хватили в одиночку. Русские дрались насмерть! Наполеону очень хотелось разорвать армию нашу пополам и преследовать до уничтожения.

Для этого надобно было завладеть и последнею опорой — курганом Горецким и подручною его батареею, которые, приурочиваясь к ручью Стонцу, обстреливали всю окрестность до большого люнета, завоёванного вице-королем. С намерением овладеть этою крепкою частью нашей позиции Наполеон доезжал до полёта пуль, чтоб осмотреть всё ближе и явственнее. Губительный огонь кипел около Горок. Оставя свиту за лесом, Наполеон выехал и показался против самых Горок. Бертье, Коленкур, Дюрок, Бесьер и ещё один паж следовали за императором, на одну минуту подъезжал к нему Мюрат. Наполеон стоял под пулями русских стрелков. Упрямо хотел он захватить курган Горецкий. «Где ж наши выгоды? — говорил угрюмо Наполеон. — Я вижу победу, но не вижу выгод!» Все провожавшие императора восставали против атаки.

«Войска наши утомлены до изнеможения! — говорили маршалы. — Одна надежда на гвардию!» — «Мы в 600 милях от Франции! — представлял Бертье. — Мы потеряли до 30 генералов. Чтоб атаковать курган, надобно

жертвовать новыми войсками, ожидать новых потерь. И что ж будет, если захватим батарею? Получим в добычу ещё одну горстку русских — и только! Нет, государь, — продолжал Бертье, — наша цель Москва! наша награда в Москве!» — «Надобно беречь гвардию, — прибавил Бесьер, — вся надежда на гвардию. Она будет отвечать Франции за императора!» Эта достопамятная сцена — отрывок из великой мировой драмы — разыгрывалась на помосте, усеянном трупами, под павильоном ядер и гранат, при трескучем полёте картечи. Все единогласно убеждали Наполеона уехать далее с этого опасного места, и всякий порывался скакать вперёд для ближайшего осмотра позиции русских. Наполеон упрямылся. Но один из генералов взял под уздцы его лошадь и сказал: «Не здесь, государь, ваше место! Смотрите: русские нас заметили, на нас наводят пушки!» Наполеон дозволил себя увести, и тотчас после того картечь русская вспахала землю, на которой стоял император французов. Изменя место, Наполеон не изменил предположение и разъезжал по линии с своею думою.

Направясь к Семёновскому, увидел он столпление резервов русских и массы, готовые двинуться вперёд. Эти массы были войска (часть гвардии), посланные Кутузовым. Это была одна из двух попыток Кутузова действовать наступательно. Сперва послал он Уварова на левое крыло французов; потом (около 5 часов пополудни), заметив, что центр французской линии почти весь состоит из конницы, составил плотную массу пехоты, чтоб пробить эту жидкую линию и направил её левым флангом на Семёновское. Но пехота наша не могла ни собраться, ни выйти довольно скоро, и французы, заметив новое приготовление, не дали созреть и совершиться предприятию. Сорбье даже, как иные говорят, без приказанья Наполеона открыл ужасный огонь.

Заиграли органы адских батарей; целыми колесистыми городами съезжаются они с разных мест, конная артиллерия скачет по полю, ядра с визгом бороздят и роят луг и долины, бомбы лопаются, и наши остановились на пути своём, пока наконец скрестили штык

Наследие

с штыком с колоннами наступавшего Нея. Наполеон однако ж дрогнул атаки русских на центр его и решился подвинуть вперёд молодую гвардию. Вот лучшая похвала преднамерению Кутузова! Не его вина, что атаки (на левое крыло и центр французов) и военная хитрость на левом крыле нашем не достигли вполне своего назначения. Он приказывал — надобно было исполнить!.. Впрочем, две последние попытки не остались без плода в объективном смысле: та приостановила, эта изумила — и этого уже достаточно!

Другие рассказывают, что Сорбье не сам, а по повелению Наполеона начал ужасную пальбу по колоннам русским. Наполеон, говорят они, махнул рукой и... во весь дух примчалась адская батарея, чтоб поддержать другие многочисленные, расставленные королём Неаполитанским. В подкрепление дивизии Фрияна подвинута, как мы сказали, другая — Ронье, из молодой гвардии, которой начальником был Мортье. В эту минуту выглянула и дивизия Клапареда из-за люнета, которым заслонялась. Она, как и некоторые другие, не раз падала на колени, не стерпя пальбы русской, направленной в уровень человека, другие войска французские по той же причине хоронились по оврагам и за парапетами завоёванных окопов, стоя на коленях. Чтоб дополнить хотя несколько не вполне рассказанное, обратимся опять к событиям, уже промелькнувшим под пером нашим.

«Русские, — говорит французский повествователь, — хотели выполнить сердечный обет, данный накануне перед св. иконою Богородицы: «Положить свои головы за веру и отечество!»

И вот ожили и пришли в движение в разных местах темневшие вдали массы! Быстро и отчаянно кинулись эти массы вперёд и бегом понеслись чрез поле отбивать свои окопы. Новый бой взволновался с новым остервенением. Из-за большого люнета дивизии Жерара, Морана и Брусье с криком бросаются навстречу русским, перебегают овраг, которым прикрывались, и являются на противоположной высоте. Направо и налево от них 2-й и 3-й кавалерийские французские

борются, как мы уже сказали, с 2-м и 3-м корпусами кавалерийскими русскими. Полки кавалергардские и конной гвардии выдерживают ужасный бой. Некоторые из французских карабинеров побиты или взяты в плен далеко за линией русской, куда они промчались, обезумев от запальчивости.

В центре, впереди дивизии Фрияна, 80 пушек гремят и останавливают высланные колонны русские. Остановились эти колонны и, терзаемые, разрушаемые с высоты захваченных у них окопов и с подвижных батарей, целые два часа простояли неподвижно под градом картечи, не имея возможности идти вперёд, не желая отступить назад.

Кирасиры русские, сильно поддерживавшие свою пехоту, многократно насакивали на артиллерию, конницу и пехоту французскую и не раз въезжали на самые батареи, топчя канониров и рубя лошадей.

Шесть Михайлов воевали на Бородинском поле, и вот один идёт с решительным намерением перетянуть весы на свою сторону. Это Михаил Ней! Русские напрасно польстились на минуту надеждою остановить идущего добыть себе титул князя Москворецкого. <...>

На девяти европейских языках раздавались крики: соплеменные нам по славянству уроженцы Иллирии, дети Неаполя и немцы дрались с подмосковною Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар! Пушки лопались от чрезвычайного разгорячения, зарядные ящики вспыхивали страшными взрывами. Это было уже не сражение, а бойня. Стены сшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неутомимо, иззубренные палаши ломались в куски, пули сновались по воздуху и пронизывали насквозь!.. Поле усеялось растерзанными трупами! И над этим полем смерти и крови, затянутым пеленою разноцветного дыма, опламенялись красным огнём вулканов и ревели по стонущим окрестностям громадные батареи.

Ф.Н. Глинка. Из очерков Бородинского сражения

Более двух часов продолжалась эта неслыханная борьба мужества и смерти, борьба народов и России, и никто не знал, на чью сторону склонится победа. Но выгоды, сдавалось, были на стороне французов: центральный люнет завоёван, почти все батареи русские захвачены и с высоты их неприятель громил передовые массы, посылая бомбы до самых резервов наших.

Вообразите рабочую храмину химика, представьте, как из двух фиалов сливает он в один сосуд две неприязненные влаги. Слитые вместе, они шипят, клокочут, вихрятся, пока, обе разложенные, цепенеют, испаряются, не оставя никаких следов за собою. Так слились в одну чашу гибели две силы, две армии, русская и французская, и, смею употребить выражение: разлагались химически, одна другую уничтожая.

Атаки русской кавалерии, атаки смелые и удачные, не раз приводили в замешательство батареи французские. Так, лейб-кирасиры вскакали на батареи дивизии Фриана и положили в лоск несколько рот вольтижеров, защищавших пушки. Но в то же время каре 33-го полка, стрелявши почти в упор по коням наших всадников, устилало около себя место пронизанными людьми и конями. <...>

Ещё один налёт русских на 30-пушечную батарею, влево от большой батареи, стоил им дорого. Смелые конники приняты с боку 11-м и 12-м полками егерей, которых привёл генерал Пажоль, отражены и потеряли много.

Не раз король Неаполитанский пытался под грозою своей артиллерии произвести общую кавалерийскую атаку, но успеха не было! Трупы, наваленные высокими грядами, не давали разбега коннице. Мёртвые и умирающие оставляли успехи смерти! При всяком отражении русские отгесняли ряды и представляли живую толщу, неправильную видом, но крепкую мужеством, непроницаемую. Многие из русских сознавались, что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разо-

рительных наскоков были минутами отрады и отдыха! Лишь только отклонялась конница неприятеля, батареи его опять начинали бороздить воздух ядрами, напускать целые облака лопающих бомб и варить варом картечи великодушные толпы русских. Приросшие к полю, которое устилали они своими трупами, русские умирали там, где стояли. Треск был повсеместный. Везде брызгами разлеталось изломанное оружие. Некоторые из наших эскадронов, батальонов и даже полков, как бы затерянные в случайностях битвы, жившие одною только жизнью исступления, ничего не видели за дымом, не слышали за шумом и грохотом. Забытые действительным миром, они были брошены в какой-то особый мир ужасов, в какой-то вихорь разрушения, в царство смерти и гибели. С запекшеюся кровию в устах, с почерневшими от пороха лицами, позабыв счёт времени и все внешния отношения, они не знали, где находятся; знали только одно, что им надобно стоять и драться, — и дрались беспрерывно, дрались отчаянно! Всадники и кони убиты, обрушаясь на живых, запутывали и подавляли их всею тяжестью своего падения! Живые домирали под мёртвыми.

После этой долгой борьбы, в продолжение которой взят центральный люнет и содеялось много дел в разных пунктах линий, многие полки русские, полки центра и левого крыла — обедняли. Где было две тысячи, осталось две, три сотни! И те сиротами прижимались к своему знамени и искалеченными телами защищали полковую святыню! Только 11 батальонов на правом крыле и 6 батарей у Псарева были ещё не тронуты; но день вечерел, надлежало кончить это пятнадцатичасовое сражение. Огнедышащий Ней, как один из губительных смерчей Антильских, встретив препятствие неодолимое, сокрушившее все его напоры, наконец истощился... Наполеон не предпринимал уже ничего более. Тогда было шесть часов вечера. Атака, которой мы сделали очерк, принадлежала к эпохе вторичного завоевания люнета и продолжалась, конечно, два добрых часа. С 6 часов, за общим изнуром сражающихся, движения приостановились. Одни только пушки гремели и громили. Но русские, повторим это ещё раз, были

Наследие

крепки в двух важных пунктах, за оврагом Горецким и на высотах Семёновских. Между тем полусенний день уже вечерел. Часы уходили. Ночь более и более вступала в права свои. Солнце закатывалось красным шаром без лучей. В воздухе распространился какой-то кислотоватый, уксусный запах, может быть, от большого разложения селитры и серы, может быть, и от испарений крови! Дым огустел и повис над полем. <...> Великий вопрос: «Кто победил?» остался неразрешённым.

Бородино через 52 дня после битвы

Наполеон оставил Москву. Войска его, разбитые под Малым Ярославцем, спешили захватить большую Смоленскую дорогу, и некоторые колонны взошли на неё близ Можайска. Наконец приблизились они к полю Бородинскому. Всё было пусто и уныло около этого поля, жившего некогда страшною, огненною жизнью; теперь мёртвого, оледенелого. Окрестные деревни сожжены; леса, обнажённые осенью и постояями войск, изредели; свинцовое небо висело над холмами полуубеленными.

И в этом могильном запустении лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы!.. Это было кладбище без гробов! Тысячи раскиданы были без погребения.

Пятьдесят два дня лежали они добычею стихий и перемен воздушных. Редкий сохранил образ человека. Червь и тление не прикасались объятым стужею; но явились другие неприятели: волки стадами сбежались со всех лесов Смоленской губернии; хищные птицы слетались со всех окольных полей, и часто хищники лесные спорили с воздушными за право терзать мертвецов. Птицы выклевывали глаза, волки оглаживали кости. В одном месте, к стороне Семёновских редантов, 20000 тел лежали лоском в виде мостовой! Остовы лошадей, с обнажёнными ребрами, искрошенное оружие, разбитые барабаны, каски, сумы, опрокинутые фуры без колёс, колёса без осей, оледе-

нелые пятна крови и примерзлые к земле, разноцветные лохмотья мундиров разных войск, разных народов: вот убранство поля Бородинского! Горецкие и Шевардинские курганы и большой центральный люнет стояли, как запустелые башни, ужасными свидетелями ужасного разрушения. В сумерках вечерних и при бледном мерцании луны зрение обманывалось: казалось, что на вершинах оставленных батарей мелькали изредка образы человеческие. Это действительно были люди — мёртвые, окостенелые! Захваченные стужею и прижатые грудями трупов к парапета, они, мертвецы на страже мёртвых, стояли прямо и мутными глазами глядели в поле... Ветер шевелил на них пёстрые лохмотья одежд и придавал неподвижным вид какой-то мгновенной жизни, обманчивого движения. Но на этом поле смерти и уничтожения среди целого народа мертвецов был один живой! Сотни подобных ему несчастливцев, отстояв на берегах Стонца, пошли сетовать и умирать на берега Сетуни. Этот остался верным Бородинскому полю. «Кто ты?» — спросили французы, услышав близ большой дороги свой родной язык. — «Я несчастный половинный человек, половинный мертвец! За восемь недель перед этим ранен я на великом побоище. Картечь раздробила мне обе ноги. Когда я пришёл в себя, была уже ночь и никого не было в поле. Я ползал по берегам ручья, питаюсь травой, кореньями и сухарями, которые находил в сумках убитых. На ночь залезал я в остовы лошадей и прикладывал их свежее мясо к своим свежим ранам. Этот пластырь чудесно исцелял мои язвы! Свыкшись с острою русского воздуха, я окреп и почувствовал в себе некоторую силу. Кровь не текла более из ран моих. Но я был один, один живой между тысячами мёртвых. По ночам, правда, оживало это поле: какие-то странствующие огоньки блуждали по нём в разных направлениях. Это были батальоны волков, приходивших кормиться остатками батальонов наших. Я бил штыком о кремь, по временам сжигал понемногу пороху и тем отгонял от себя неприятелей. Да зачем им и добиваться меня! У них была богатая трапеза и без моих ещё не остывших костей!

